

Ю. А. Виноградов, Е. Я. Рогов

НЕКОТОРЫЕ ЗАКОНОМЕРНОСТИ СТАНОВЛЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ГРЕЧЕСКИХ ГОСУДАРСТВ В СЕВЕРНОМ ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

Последние десятилетия привели к заметному прогрессу в наших знаниях об античных государствах северного берега Понта. Благодаря труду нескольких поколений археологов, главные вехи в развитии античных центров, важнейшие археологические реперы в их истории можно считать вполне установленными и вряд ли следует опасаться, что эти реперы ожидают существенные корректировки в ближайшем будущем.

Хронологические этапы, выявленные в развитии каждого античного центра (Ольвия, Херсонес, Боспор Киммерийский) несомненно важны сами по себе, но в совокупности, взятые в сопоставлении, они представляют особую значимость. С помощью этих хорошо установленных фактов можно взглянуть на такую почти обойденную вниманием исследователей проблему как динамика развития греческих северопонтийских государств, имея в виду кардинальные перестройки, изменение домостроительных традиций, резкое расширение территории поселений, этапы освоения сельскохозяйственной округи и т. д. Думается, что такие события в жизни и развитии греческих общин в Северном Причерноморье совсем не случайны и, пожалуй, позволяют наметить некоторые закономерности.

Начать следует, собственно, с проблемы выведения апоикий в регионе. Ко времени начала колонизации Северного Причерноморья

в Греции уже сложились основные домостроительные и градостроительные традиции, типы жилых домов (Крыжицкий 1982: 143-144). Опираясь на анализ письменных источников, некоторые ученые считают, что выведение колонии начиналось с возведения городской стены и нарезания земельных участков внутри стен (ойкопедон) и вне их - наделы на хоре (см. напр. Яйленко 1982: 242). В этом отношении греческие выселки, появившиеся в ходе западной волны колонизации представляются вполне традиционными; надежно установлено, что они сразу застраивались по типу городских поселений одно- или многокамерными наземными домами и часто имели регулярную планировку.

В качестве примеров помимо эмпория на Хиосе (Boardman 1967), Врулии (Kinch 1914: 89, plan), можно привести общеизвестный факт регулярной застройки Мегары Гиблеи и некоторых других поселений (Ward-Perkins 1974: 22-23). Фишер-Хансен подчеркивает в связи с этим, что «развитие городской планировки в греческом мире получило особый импульс от основания поселений в Великой Греции, Сицилии и в регионе Северного Причерноморья...» (Fischer-Hansen 1996: 319). Что касается Великой Греции и Сицилии он, по всей видимости, вполне прав, но в отношении Причерноморья, по крайней мере, северной его части, явно заблуждается. Имеющиеся в нашем распоряжении материалы времени появления греческих апоикий в Северном При-

черноморье демонстрируют бесспорные отличия от обозначенной выше схемы.

Большинство ранних греческих поселений этого региона в VI в. до н.э. вообще мало напоминали города. В основном они были застроены заглубленными в землю конструкциями типа землянок круглой, овальной или четырехугольной в плане формы площадью от 6 до 15 кв. м. С точки зрения конструктивных особенностей такого рода построек следует отметить наличие в материковых полях ямок от столбовых несущих конструкций. В тех случаях, когда грунт был не настолько плотным, чтобы борта котлована могли выдержать тяжесть наземных стен, борта полностью или частично укреплялись каменными или сырцовыми кладками (Культура населения 1987: 10-11). В некоторых землянках выявлены остатки очагов, лежанки, столики, ниши и иные бытовые и хозяйственные углубления. В расположении пятен застройки на местности признаков регламентации как правило не выявляется.

Поначалу подобные грунтовые конструкции были обнаружены на Березани и в Ольвии (Лапин 1966: 154 сл.; Крыжицкий 1989: 59). Однако, археологическое изучение ранних культурных напластований боспорских городов привело в последние годы к осознанию весьма важного факта, - на первоначальном этапе и здесь древнейшее домостроительство было представлено небольшими по площади землянками и полуземлянками. Такие сооружения выявлены сейчас в Пантикапее, Мирмекии, Тирамбе, Фанагории и на раннем поселении на месте Горгииппии (Толстиков 1992: 52 сл.; Виноградов Ю.А. 1991: 12 сл.; он же. 1992: 101; Коровина 1968: 55,63; Басовская, Долгоруков, Кузнецов, Шавырина, Яйленко 1978: 105; Кузнецов, Масленников, Шавырина. 179: 134; Алексеева 1990: 19; она же 1991: 9 сл.).

В 50-х годах землянки были открыты в Нимфее, но явно ошибочно отнесены к скифскому поселению, якобы существовавшему здесь до вывода греческой апойкии (Скуднова 1954: 309; Худяк 1962: 13 и сл.). Приведенный ряд примеров дополняет Керкенида в Западном Крыму, наиболее ранними строительными комплексами которой, также были полуземлянки (Кутайсов 1990: 70). За пределами Северного Причерноморья такого рода постройки, датирующиеся

первой половиной VI в до н.э., открыты в Истрии (Alexandrescu 1990: 57-58).

В общем, нет никаких препятствий вслед за С.Д.Крыжицким признать, что генезис и общее направление эволюции жилых домов в целом было аналогичным во всем Северном Причерноморье (Крыжицкий 1986: 30,66) и согласиться с теми исследователями, которые видят в земляночном домостроительстве один из феноменов греческой колонизации Северного Причерноморья, объясняя его, в частности, влиянием материальной культуры местного населения.

Е.М.Алексеева рассматривает открытые в Анапе землянки как временные жилища первых колонистов, воспринявших традицию домостроительства у варварских племен Прикубанья; по ее мнению, это объясняется тем, что в суровом климате Северного Причерноморья греки стремились «без больших материальных затрат присмотреться к новым условиям» и лишь, убедившись в возможность дальнейшего проживания, приступили к строительству домов в знакомых им традициях (Алексеева 1991: 22). В общем, это достаточно распространенная точка зрения. Однако, если признать, что переход к наземному домостроительству повсеместно происходит, в основном, не ранее конца VI- начала V вв. до н.э., то придется констатировать, что переселенцы «присматривались» к новым условиям никак не меньше 60-80 лет, т.е. на протяжении двух-трех поколений, а переходили к строительству домов «в знакомых им традициях» только внуки и правнуки первопоселенцев.

Эта закономерность выявляется не только на материалах Анапского поселения, но и на большинстве ранних памятников всего Северопонтийского региона. В Мирмекии, основание которого относится ко второй четверти VI в до н.э. (Виноградов Ю.А. 1995: 156-157), наземные здания с сырцовыми стенами, возведенными на каменных цоколях, дворами, мощеными каменными плитами и т.д. стали строиться лишь с начала V в до н.э., т.е. приблизительно через 70-80 лет после возникновения поселения (Виноградов Ю.А. 1993: 13; он же 1996: 25 сл.).

Урбанистическая структура в Пантикапее формируется несколько раньше - в последней или в третьей четверти VI в до н.э. (Толстиков 1989: 42; он же 1992: 62), в

то время как основание города относят к рубежу VII-VI вв до н.э. или к 590-570 гг до н.э. (Сидорова 1962: 107 сл.; Блаватский 1964: 15 сл., 23; Виноградов Ю.Г. 1983: 368; Шелов-Коведяев 1984: 51; Кошеленко, Кузнецов 1990: 39; Кузнецов 1991: 33).

Близкая ситуация выявляется и в Северо-Западном Причерноморье. Как хорошо известно, полужемлянки открыты здесь на всех архаических памятниках; на некоторых из них они являются единственным типом построек, на других, подвергшихся кардинальной перестройке, наиболее ранним.

На самом раннем греческом поселении региона (о.Березань) переход к наземному домостроительству и образованию городской структуры относится к третьей четверти VI в до н.э., т.е. через 70-80 лет после возникновения поселения (Соловьев 1994: 93). Кардинальная перестройка Ольвии - по данным С.Д.Крыжицкого - происходит не ранее V в до н.э., хотя апойкия, как установлено, была выведена сюда в 590-570 гг до н.э. (Крыжицкий 1982: 30; 1993: 42-43; Виноградов, Доманский, Марченко 1990: 84; Русяева 1995: 73-74). В Никонии процесс смены земляночной застройки наземным домостроительством происходит с небольшим смещением в сторону омоложения по сравнению с Ольвией, но, по сообщению И.В.Бруяко, после такого же по продолжительности периода существования землянок (ср. Крыжицкий 1982: 19).

Таким образом и в Северо-Западном Причерноморье выделяется период существования землянок продолжительностью 70-80 лет, сменяющийся наземным домостроительством, причем следует сразу подчеркнуть, что эта важная перемена на разных памятниках происходит с заметной асинхронностью, но всегда через 70-80 лет после основания поселения.

Весьма показательные, на наш взгляд, результаты получены при раскопках Керкениды. Самыми ранними строительными комплексами, исследованными здесь, были полужемлянки, которые датируются не ранее рубежа VI-V вв до н.э. (Кутайсов 1990: 70). Более ранних строительных остатков на памятнике пока не выявлено. Однако, находки архаической керамики позволяют заключить, что поселение возникло в середине-третьей четверти VI в до н.э. (Кутайсов 1992: 44-46). Переломным моментом в развитии Керкени-

тиды, - как считает В.А.Кутайсов, - оказались 70-60 годы V в до н.э. В это время приблизительно через семь десятилетий после возникновения, территория поселения была обнесена мощными стенами, а пространство внутри них разбито на кварталы по четко выраженной регулярной планировочной схеме. Кварталы в свою очередь поделены на приблизительно равные участки, застроенные затем жилыми домами типично греческого облика (Кутайсов 1990: 50 ; 1992: 70,124). Обрисованная картина дает наглядный образец развития апойкии от поселения полуварварского облика к структуре урбанистического типа.

Отмеченные особенности, как представляется, весьма показательны и по своему типичны. Во-первых, они демонстрируют становление греческих городов в различных районах Северного Причерноморья и, во-вторых, эти поселения, основанные в различное время, обнаруживают определенное сходство в темпах и направлении эволюции. Импульсивный, как пишет Ю.Г.Виноградов (Виноградов 1989: 74), а точнее циклический или ритмичный характер развития апойкии в Северном Причерноморье прослеживается и по другим археологическим материалам.

Так, любопытной представляется динамика роста городских территорий. Наиболее убедительно это демонстрирует опять же Керкенида. Площадь занятая здесь земляночной застройкой не превышала 0,8-1,0 га, в период перехода к наземному домостроительству город увеличился до 3,2-3,7 га. В конце V в до н.э. площадь Керкениды составляет 4,2-4,3 га, а во второй половине IV в до н.э. 5,3 га (Кутайсов 1992: 100). Всякий раз очередное расширение площади города происходило через 50-70 лет.

Другой пример роста территории города дает Херсонес. Основная часть ранних керамических материалов концентрируется здесь на небольшой территории в северо-восточной части городища, где обнаружены и остатки позднеархаического слоя (Виноградов, Золотарев 1990: 49). Если точкой отсчета времени возникновения дорийского города принимать 422/421 гг до н.э., дату, предложенную А.И.Тюменевым (Тюменев 1938: 245), то первое существенное расширение городской территории происходит приблизительно через 70 лет в середине VI в до н.э. (Белов

1948: 42). Следующее резкое расширение границ города до 22-24 га фиксируется в конце IV в до н.э., причем по замечанию А.Н.Щеглова, это был своего рода демографический взрыв (Щеглов 1976: 20). Как видим, интервал между событиями на сей раз составляет около полустолетия.

Размеры первоначального ольвийского поселения на территории будущего Верхнего города пока не установлены, однако, судя по тому, что большая часть ранних керамических обломков (первая половина VI в до н.э.) концентрируется в южной части городища (Копейкина 1976: 137 и сл.), можно полагать, что застройка города началась именно отсюда (Виноградов Ю.Г. 1989: 46). К концу VI в до н.э. вся территория верхнего плато между Северной, Заячьей балками и склонами будущей террасной части города была уже освоена, площадь поселения достигает к этому времени 16,5 га (Крыжицкий 1985: 62,87; Культура населения 1987: 18, рис.8). Однако, уже к середине V в до н.э. территория Ольвии (без предместья) достигает 44-47 га, увеличиваясь таким образом более чем вдвое (Крыжицкий 1985: 88). Обозначенные изменения, как не трудно заметить, чередовались достаточно ритмично с амплитудой приблизительно 50-70 лет.

Похожая ситуация наблюдается в Фанагории, основание которой относят к 40-м годам VI в до н.э. Площадь архаической Фанагории составляла около 20 га, в первой половине V в до н.э. происходит резкое увеличение территории города до 50 га с учетом затопленной части (Долго руков 1990: 30-33), что дает опять же более чем двукратное увеличение за приблизительно такой же что и в Ольвии временной отрезок.

Перечень примеров ритмичности в развитии античных государств в Северном Причерноморье продолжает ясный и однозначный образец организации Херсонесом своей сельскохозяйственной территории. Твердо установлено, что размежевка площади Маячного полуострова и строительство укрепления на его перешейке относятся к первой четверти IV в до н.э. (Щеглов 1986: 157). Размежевка же всей площади Гераклеяского полуострова произведена не ранее последней четверти этого столетия (Туровский 1994: 11), т.е. приблизительно через половину столетия. Одновременно с этим осваивается побе-

режье Северо-Западного Крыма. Быстрый рост населения, вызвавший необходимость расширения городской территории, новый этап освоения сельской округи вблизи города и экспансия в Северо-Западный Крым, объясняется обычно притоком новых колонистов, без которого эти процессы не могли бы иметь места (Зубарь 1993: 25). Неясно, правда, откуда прибыли колонисты, то ли из Гераклеи (Сапрыкин 1986:152-160), то ли из городов Западного Понта (Щеглов 1978: 118).

Для района Боспора Киммерийского резкое увеличение территории городов также связывается с прибытием новой волны переселенцев из Греции (см., к примеру, Долго руков 1990: 31-33). Вообще же Г.А.Кошеленко и В.Д.Кузнецов выделяют здесь три волны колонизации, чередующиеся с интервалом около 60-50 лет, - рубеж VII-IV вв до н.э., приблизительно 540 г. и, наконец, рубеж IV-V вв до н.э. или первая четверть V в до н.э. (Кошеленко, Кузнецов 1992: 23-24).

Эта же причина, по мнению ряда исследователей, лежит в основе импульсного развития Березани и Ольвии, причем сюда, как считается, прибыло даже четыре волны колонистов. На наш взгляд, нет никаких оснований не соглашаться с этапами или периодами развития Ольвийско-Березанского региона, выделенными Ю.Г.Виноградовым (Виноградов 1986: 20-24). В третьей или последней четверти VII в до н.э. милетянами было основано Березанское поселение (Виноградов, Доманский, Марченко 1990: 82-85). Второй этап начинается основанием Ольвии березанцами вместе с колонистами, вновь прибывшими из Милета около 600 г до н.э. Третий этап, начавшийся около середины VI в до н.э., связан с формированием Ольвийского полиса и массовым заселением побережья к югу и северу от Ольвии новой наиболее мощной волной эпоиков (Виноградов Ю.Г. 1989: 68,79; Виноградов, Доманский, Марченко 1990: 84). Следующее массовое переселение обезземелившихся крестьян из Аттики после окончания Пелопонесской войны и из Малой Азии составляло последнюю четвертую волну колонистов заселивших сельскую округу Ольвии в IV в до н.э. (см. Снытко 1995: 90-92).

Итак, процесс заселения и развития ранних, - как видим и не только ранних, - греческих поселений в Северном Причерноморье мыслится как периодическое перемещение сюда

все новых и все более крупных групп колонистов. Это положение принимается, пожалуй, большинством современных исследователей. Наиболее последовательно оно было сформулировано Ю.Г.Виноградовым, который пишет, «что эти ресурсы (людские ресурсы необходимые для освоения новых территорий - Ю.В. и Е.Р.) не могли образоваться за полстолетия только в результате воспроизводства первоначального контингента колонистов - необходим был приток извне. Одним из источников поступления могло стать варварское окружение... Однако, судя по археологическим и просопографическим данным, варварский элемент в архаическую эпоху составлял в населении Ольвии незначительный процент... Мы приходим к неизбежному выводу о новой волне добавочных колонистов из Греции,... которая и должна была создать необходимый резерв для освоения обширного фонда земель. Только приняв это предположение можно понять импульсивность, а не перманентность процесса освоения пространства» (Виноградов 1989: 74).

В этой логичной и вполне правдоподобной картине несколько моментов все же настораживают. Так, в каждом конкретном случае ритмичность, импульсивность развития, пожалуй, можно объяснить прибытием новой волны колонистов, однако при сопоставлении динамики развития греческих государственных образований в Северном Причерноморье, объяснение оказывается явно неудовлетворительным. В рамках этого объяснения мы не находим ответа на вопрос почему же импульсивность развития различных полисов строго определена и составляет интервалы в 50-60 или 70-80 лет, причем в большинстве случаев эти циклы пртекают асинхронно и зависят от времени основания апойкий. Трудно понять к тому же, в чем кроются возможные причины того, что многолюдные волны переселенцев, оседая на сельскохозяйственной территории Ольвии, Херсонеса и, вероятно, Боспорских городов, дробились на крошечные осколки основателей небольших сельских поселений? Почему колонисты ни разу не предприняли попыток основания новых апойкий (исключая, разумеется, Херсонес и Танаис) хотя возможности Северного Причерноморья в этом отношении были далеко не исчерпаны?

Наконец, ни в Ольвии, ни в Херсонесе, ни на Боспоре, если предполагать освоение окру-

ги этих центров за счет новых весьма многочисленных переселенцев, не фиксируется никаких новых культурных импульсов, которые бы существенным образом отличали материальную культуру сельских поселений от городской, например, материальная культура округа Ольвии, как это неоднократно подчеркивалось, полностью адекватна городской (Крыжицкий и др. 1989: 94,220).

Не отвергая в принципе возможность расширения и освоения окружающего греческие центры пространства за счет пополнения состава жителей колоний эпойками, хотелось бы все же понять, какое место в этом процессе занимали первопоселенцы и их потомки. Способен ли был естественный прирост населения обеспечить собственными людскими ресурсами освоение сельской округи, стимулировать рост территории городов. Решение этой задачи зависит от многих демографических показателей, таких как количественный состав семьи, возраст вступления в брак, уровень смертности, темп прироста населения и т.д., однако все они из-за недостатка данных относятся к числу малоразработанных и в высшей степени дискуссионных. Большинство современных исследователей, однако, согласно с тем, что первоначальное ядро колонистов, выселявшихся на новое место жительства, было небольшим, от нескольких десятков до двух-трех сотен человек. Этому не противоречат и весьма скромные размеры ранних греческих поселений.

Логично ожидать, что первоначальный коллектив колонистов, в основном состоял из молодых мужчин, которые вступили в брак приблизительно в одно время и по большей мере уже на своей новой родине. Естественно, что и потомство от этих браков рождалось приблизительно одновременно. В таком случае при интервале поколений в 20-25 лет следует предполагать, что через 60-75 лет естественный прирост населения достигнет такого уровня, что можно вполне говорить о демографическом взрыве (Рогов 1996: 84). Именно эти взрывы скорее всего и определяли «загадочные» 70 летние ритмы в истории северопричерноморских апойкий на самом раннем этапе их развития, которые были связаны с переходом от земляночного домостроительства к наземному.

В дальнейшем, достигнув определенного максимума, рост населения должен нивелиро-

ваться, что, разумеется, прежде всего определялось природными ресурсами территории, обеспечивающими продовольственную базу для обосновавшихся здесь социальных организмов. Однако, прирост населения продолжался, и рано или поздно полисы Северного Причерноморья должны были столкнуться с проблемой стенохории или нехватки земель (Шелов-Коведяев 1985:65-66).

Проблема расширения сельскохозяйственных владений любого греческого государства была весьма непростой и определялась, как следует полагать, многими внутренними и внешнеполитическими обстоятельствами. Чрезвычайно показательным, однако, что и этот процесс, если он развивался в сравнительно нестесненных внешних обстоятельствах, как это было при территориальной экспансии Херсонеса, происходил тоже достаточно ритмично, правда, продолжительность этих этапов была несколько короче, чем в случаях отмеченных

выше, не 70, а скорее 50-60 лет.

Кратко резюмируя изложенное, еще раз следует подчеркнуть, что авторы не стремились отрицать влияние на развитие греческих государств Северного Причерноморья притока новых эпойков из метрополии, который существовал всегда, а на отдельных этапах, вероятно, даже принимал весьма внушительные масштабы. Между тем, вряд ли импульсивность или как мы старались показать, своего рода ритмичность в развитии апойки региона объясняется исключительно внешними факторами массового притока новых переселенцев. Безусловно существовали внутренние закономерности развития греческих колоний, при которых кривая населения в различных центрах, имея различные начальные точки, определяющиеся прежде всего временем выведения апойки, достигала своего максимума примерно через одинаковый промежуток времени.

Список литературы

- Алексеева Е.М. 1990. Раннее поселение на месте Анапы (VI-V вв до н.э.) // КСИА. вып.197
- Алексеева Е.М. 1991. Греческая колонизация Северо-Западного Кавказа. М.
- Басовская Н.И., Долгоруков В.С., Кузнецов В.Д., Шавырина Т.Г., Яйленко В.П. 1977. Исследования в Фанагории // АО...1976. М.
- Белов Г.Д. 1948. Херсонес Таврический Л.
- Блаватский В.Д. 1964. Пантикапей. М.
- Виноградов Ю.А. 1991. Ранние комплексы Мирмекии // Вопросы истории и археологии Боспора. Воронеж-Белгород.
- Виноградов Ю.А. 1992. Мирмекий // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Виноградов Ю.А. 1993. Новое об архаическом Мирмекии // Новые открытия и методические основы археологической хронологии. Тез. докл. конф. СПб.
- Виноградов Ю.А. 1995. Некоторые дискуссионные проблемы греческой колонизации Боспора Киммерийского // ВДИ. №3.
- Виноградов Ю.А. 1996. О формировании урбанистической структуры в Мирмекии // Древнее Причерноморье. III чтения памяти проф. П.О.Карышковского. Тез. докл. конф. Одесса.
- Виноградов Ю.Г. 1989. Полис в Северном Причерноморье // Античная Греция. Т.1. М., 1983.
- Виноградов Ю.Г. Политическая история Ольвийского полиса VII-I вв до н.э. М.
- Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. 1990. Сопоставительный анализ письменных и археологических источников по проблеме ранней истории Северо-Западного Причерноморья // Причерноморье в VII-V вв до н.э. Тбилиси.
- Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. 1990. Древнейший Херсонес // Причерноморье в VII-V вв до н.э. Тбилиси.
- Долгоруков В.С. 1990. Некоторые вопросы истории и топографии ранней Фанагории // КСИА. вып.197.
- Зубарь В.М. 1993. Херсонес Таврический в античную эпоху. Киев.
- Копейкина Л.В. 1976. Некоторые итоги исследования архаической Ольвии // Художественная культура и археология античного мира. М.
- Коровина А.К. 1968. Тирамба (городище и некрополь). Итоги археологических работ ГМИИ за 1959, 1961-1963 гг. // СГМИИ, IV.
- Кошеленко Г.А., Кузнецов В.Д. 1990. Греческая колонизация Боспора // Причерноморье в VII-V вв до н.э. Тбилиси.
- Крыжицкий С.Д. 1982. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1985. Ольвия. Историографическое исследование архитектурно-строительных комплексов. Киев.
- Крыжицкий С.Д. 1993. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев.
- Крыжицкий С.Д., Буйских С.Б., Бураков А.В., Отрешко В.М. 1989. Сельская округа Ольвии. Киев.
- Кузнецов В.Д. 1991. Ранние апойки Северного Причерноморья // КСИА. вып.204.
- Кузнецов В.Д., Масленников А.А., Шавырина Т.Г. 1979. Работы Фанагорийской экспедиции. // АО...1978. М.
- Культура населения Ольвии и ее округа в архаическое время. 1987. Киев.

- Кутайсов В.А. 1990. Античный город Керкениди VI-II вв до н.э. Киев.
- Кутайсов В.А. 1992. Керкениди. Симферополь.
- Лалин В.В. 1966. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Киев.
- Рогов Е.Я. 1996. Экология Западного Крыма в античное время // ВДИ. №1.
- Сапрыкин С.Ю. 1986. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. М.
- Сидорова Н.А. 1962. Архаическая керамика из Пантикапея // МИА. №103.
- Скуднова В.М. 1954. Скифские памятники из Нимфея // СА. XXI.
- Снытко И.А. 1996. К вопросу о демографическом потенциале процесса реколонизации хоры Ольвии на рубеже V-IV вв до н.э. // Древнее Причерноморье. Тез. докл. Одесса.
- Соловьев С.Л. 1994. Новые аспекты истории и археологии античной Березани // ПАВ. 8.
- Толстиков В.П. 1989. Некоторые пути изучения центральной части Пантикапея и проблема эллино-скифских отношений в VI-V вв до н.э. // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти М.И. Ростовцева. Новочеркасск.
- Толстиков В.П. 1992. Пантикапей-столица Боспора // Очерки археологии и истории Боспора. М.
- Туровский Е.Я. 1994. Хронология сельских усадеб на Гераклейском полуострове в IV-III вв до н.э. Автореф. дис... канд. ист. наук. СПб.
- Тюменев А.И. 1938. Херсонесские этюды. I. К вопросу о времени и обстоятельствах возникновения Херсонеса. // ВДИ. 2(3).
- Худяк М.М. 1962. Из истории Нимфея. Л.
- Шелов-Коведяев Ф.В. 1985. История Боспора в VI-IV вв до н.э. // Древнейшие государства на территории СССР. 1984. М.
- Щеглов А.Н. 1976. Полис и хора. Симферополь.
- Щеглов А.Н. 1978. Северо-Западный Крым в античную эпоху. Л.
- Щеглов А.Н. 1986. Процесс и характер территориальной экспансии Херсонеса в IV в. до н.э. // Античная гражданская община. Л.
- Яйленко В.П. 1982. Греческая колонизация VII-III вв до н.э. М.
- Alexandresku P. 1990. Histria in archaischer Zeit // Xenia. 25.
- Boardman J. 1967. Excavations in Chios 1952-1955. Greek Emporio. London.
- Fischer-Hansen T. 1996. The Earliest Town-Planning of the Western Greek Colonies, with special regard to Sicily // Introduction to an Inventory of Poleis. Acts of Copenhagen Polis Centre. Vol.3. Copenhagen.
- Kinch K. 1914. Fouilles de Vroulia. Berlin.
- Ward-Perkins J. 1974. Cities of ancient Greece and Italy: planning in classical antiquity. New York.